

На лице императора, обычно бесстрастном, наконец появилось выражение. После долгого молчания он вздохнул:

— «Яркий, как яшмовое дерево, гость, остановивший парус». Гу Шаобай действительно чист сердцем, как ледяная луна, и телом, как яшмовое дерево...

Му Цинфэн стоял под свисающими цветами, вытянув шею и с нетерпением глядя на длинный коридор, ведущий к императорскому кабинету.

Последний луч заката медленно исчезал за высокими стенами дворца.

Серо-голубое небо, бледная луна.

Гу Шаобай шёл медленно, словно плыл по реке времени, спускаясь вниз, чтобы найти связь с прошлой жизнью.

Му Цинфэн шагнул навстречу, крепко обнял его, уткнувшись подбородком в мягкие, но холодные волосы Гу Шаобая. Он молчал долгое время, боясь разочарования, боясь потери. Казалось, он никогда раньше не чувствовал такой неопределённости, поэтому не решался задать вопрос.

— Император был добр и прост в общении, — Гу Шаобай высвободился из объятий, поднял маленькую деревянную коробочку. — Смотри, даже коробочка для лекарства такая красивая. Император увидел, что она мне понравилась, и подарил её. Наверное, она стоит много денег...

Му Цинфэн засиял от радости, камень с его сердца упал. Он провёл пальцем по носу Гу Шаобая.

— Ты, жадина...

Гу Шаобай шмыгнул носом, сумерки хорошо скрывали его слёзы.

— Пойдём домой, — он поднял голову, потянул его за рукав, слегка смущаясь. — А Фэн, я так долго тебя ждал...

Му Цинфэн сначала удивился, а затем рассмеялся, поддразнивая его:

— Где ждал?

Луна светила всё ярче, озаряя лицо Гу Шаобая лёгким сиянием. Его глаза сверкали, и впервые он позволил себе открыто выразить свои чувства.

— Всё тело, всё ждало... — Если не сказать сейчас, возможно, потом он уже не услышит.

А Фэн, когда я уйду, не ненавидь меня; когда меня не будет, тоже не ненавидь. Ты должен знать, что у меня, Гу Шаобая, есть своя гордость. Я не хочу жить, купленной за чувства!

Такой Гу Шаобай — это и есть я.

Один слой зелёного шёлка, один слой красной ткани, несколько раз встречались во сне.

Гу Шаобай смотрел слёзными глазами, в которых отражался свет. Даже во время страстных поцелуев и напряжённого дыхания, даже когда боль становилась невыносимой, он не закрывал глаза. Он хотел запечатлеть этого человека в своём сердце, в своей плоти, в самой глубине

души.

Чтобы запомнить его брови, глаза, губы, его тепло... Только так, встретив его на мосту Найхэ, он смог бы узнать его с первого взгляда. Он готов был забыть себя, но не мог забыть его, ведь это был его А Фэн...

Два дня подряд дверь спальни Му Цинфэна не открывалась.

Даже когда сообщили о поимке Ван Сыдао и его сообщников, он лишь выслушал через дверь и больше не интересовался.

Лэн Дун и Чжоу Пин были уверены, что их холодный князь растаял!

Внутри комнаты Му Цинфэн обнимал вспотевшего Гу Шаобая, его пальцы небрежно рисовали круги на его груди.

— А Бай, я заметил, что ты в последние дни мало спишь. Каждый раз, когда я просыпаюсь, ты уже смотришь на меня... О чём ты думаешь?

Гу Шаобай, с ещё не исчезнувшим румянцем, слегка запрокинул голову и жалобно посмотрел на него.

— Всё тело болит, не могу уснуть.

Му Цинфэн задумчиво пощипал подбородок, затем резко перевернул его и начал массировать тонкую и мягкую талию.

— Тогда позволь мне размять тебя.

Гу Шаобай хотел уклониться, но остановился, позволив ему делать всё, что он хочет. Он положил голову на одну руку и протяжно сказал:

— Хорошо служи своему господину... Если сделаешь всё как надо, получишь два цянтя серебра...

Му Цинфэн с преувеличенной серьёзностью ответил:

— Будьте спокойны, господин...

Прядь волос соскользнула со лба, закрыв половину лица. Гу Шаобай моргнул, тёплая слеза скатилась по щеке, перейдя на переносицу и упав на тыльную сторону руки. Она обожгла его внутренности, и он едва сдержал рыдания...

Чуть позже полуночи Му Цинфэн встал, чтобы одеться и отправиться на утренний приём.

Он уже два дня не появлялся на заседаниях, ссылаясь на необходимость восстановления сил, но сегодня он должен был пойти. Дело Ван Сыдао должно было быть завершено, и перед возвращением в свои владения нужно было уладить множество дел.

Гу Шаобай проснулся раньше него и уже умылся, ожидая, когда он встанет.

Му Цинфэн взял у него полотенце и с улыбкой сказал:

— Мой ленивый котёнок вдруг стал таким трудолюбивым, это меня немного беспокоит.

Гу Шаобай бросил на него взгляд, согнув пальцы, как кошачьи когти, и притворился, что хочет его поцарапать. Но Му Цинфэн схватил его за запястья и притянул к себе, глубоко и долго поцеловав, пока тот не превратился в мягкую массу, словно его душа была вытянута из тела.

Когда их губы разомкнулись, их взгляды встретились, и между ними потекла нежная любовь.

Горячее дыхание касалось их носов и щёк, в глазах отражались искренние улыбки. Этот момент был слишком прекрасен, словно весенний ветер, дующий над рекой, когда цветы распускаются, а ивы зеленеют, трогая сердце.

Гу Шаобай смотрел на него с глазами, полными слёз, готовыми перелиться через край. Му Цинфэн, глядя на него, чувствовал, что в последнее время он стал необычайно покорным, и это его слегка беспокоило, хотя он не мог понять, почему.

Возможно, это просто его подозрительность, подумал он. Может, он привык к прохладному отношению Гу Шаобая, и теперь, когда оно стало горячим, это казалось странным?

Чжоу Пин уже дважды напоминал ему снаружи, и Му Цинфэн с неохотой прижался лицом к лицу Гу Шаобая, чувствуя себя смешным. Как можно так не хотеть расставаться из-за простого утреннего приёма!

В этот момент он почувствовал, что лицо Гу Шаобая стало очень горячим. Он отстранился и внимательно посмотрел на него. Действительно, щёки Гу Шаобая горели, как будто на них налили крови, это было совсем не похоже на лёгкий румянец от возбуждения.

Он прикоснулся к его лбу и почувствовал жар. Беспокойство охватило его снова.

— Ты плохо себя чувствуешь? Почему ты такой горячий?

Гу Шаобай отстранил его руку, игриво улыбнулся, его глаза были влажными, словно в них шёл дождь. Он положил подбородок на ямочку между ключицами Му Цинфэна.

— Ты ещё спрашиваешь, ты чуть не развалил меня на части...

Он знал, что это было начало действия «Сжигания сердца». Уже к вечеру он действительно почувствует боль.

Му Цинфэн, услышав это, почувствовал себя виноватым и сразу же начал себя корить. Он погладил волосы Гу Шаобая.

— Я ухожу, ты поспи ещё немного, а потом позови Ли Чжишаня, чтобы он осмотрел тебя...

— Ладно... — Гу Шаобай с недовольством вырвался из его объятий, смеясь, подтолкнул его к двери. — Ты такой зануда...

Му Цинфэн поправил складки на одежде и направился к выходу.

Когда он уже переступал порог, вдруг руки обняли его сзади, крепко обхватив талию.

— А Фэн, ты будешь помнить мою доброту?

Его лицо прижалось к спине Му Цинфэна, голос был глухим и хриплым, с сильной заложенностью носа.

Му Цинфэн хотел обернуться, но руки вокруг его талии сжались сильнее. Гу Шаобай упрямо сказал:

— Не оборачивайся, позволь мне обнять тебя... Ты будешь помнить?

— Конечно, глупышка...

Гу Шаобай услышал его голос, звучащий вместе с биением сердца, сильным и полным жизни.

— Хорошо... Ты обещаешь? И ещё, обещай мне, если я сделаю что-то, что тебя рассердит, злись, но не ненавидь меня... Вспомни мою доброту, и, возможно, ты не будешь злиться...

— Мой маленький предок, я обещаю, — Му Цинфэн рассмеялся. — Это же просто утренний приём, зачем ты ведёшь себя, будто это прощание навсегда?

Гу Шаобай отпустил его, похлопал по плечу.

— А Фэн, до свидания!

Му Цинфэн сделал несколько шагов, затем обернулся, но Гу Шаобай уже тихо закрыл дверь.

Слушая, как шаги стихают, Гу Шаобай медленно опустился на пол, обнял колени и спрятал лицо в руках. Крупные слёзы вырвались наружу, словно прорвавшаяся плотина, разрушая всё на своём пути. Он услышал, как его сердце разрывается на части...

Прошло неизвестно сколько времени, когда первые лучи света пробились через окно, осветив пол перед ним. Он увидел мелкие пылинки, плывущие в луче света, и понял, что пришло время уходить.

Под подушкой лежал красный шнурок с узором сливы мэйхуа, который Му Цинфэн всегда прятал там. Гу Шаобай достал его и спрятал в своей одежде.

<http://bllate.org/book/16730/1539023>